

Только те острова живы, где мы
когда-то любили.

Дерек Уолкот «Острова»

Известно всем, что размышления и вода
повенчаны друг с другом.

Герман Мелвилл «Моби Дик»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РОЗОВЫЙ ДОМ

Глава 1

ДОЖДЬ

Собака что-то ворчит себе под нос.

— Что теперь-то не так? — спрашивает ее Гэвин, бесцельно шагая по кухне.

А она просто пытается напомнить ему, что уже семь вечера и пора ужинать. У животных обостренное чувство времени.

— Хорошо-хорошо, сейчас, — бормочет он.

Собака уселась прямо посреди кухни и старается не заваливаться набок. У нее крепкое тело, но сидит она так, будто поддерживают ее только сильные передние лапы. Треугольные глаза сужены до щелочек, язык свешивается из темной пасти. Ее дело следить, чтобы все было в порядке, чтобы они успешно дожили этот день до конца. Она снова громко, утробно ворчит. Этот звук похож на тот, что издает его желудок, когда он голоден.

— Хорошая девочка, — рассеянно произносит Гэвин, не понимая, нужна ли ему эта собака и любит ли он ее по-прежнему.

Макароны с сыром и консервированные венские сосиски — вот их сегодняшний ужин. Единственное, что его дочь соглашается есть. Они так питаются уже четвертый день подряд. Ничем другим ее не соблазнишь. Может, открыть банку горошка?

Дочка сейчас лежит на огромной двуспальной кровати, как русалка на плоту, и смотрит мультик «Каспер: дружелюбное привидение». Ноябрь месяц, а дождь не перестает. Каждый день поливает по одному сценарию: сначала короткий ливень, крупные капли звонко лопаются на земле, и после десяти минут сплошной водной завесы — недолгое затишье.

Дождь, непрощенный гость, приходит с гор, заставляя Гэвина чувствовать себя виноватым или будто он поспорил с кем-то и выставил себя полным идиотом. Гэвин открывает банку с сосисками и морщится от запаха. Сосиски воняют как старые кроссовки: несвежей кислотой. Он выливает рассол в раковину.

— Вот, держи, — говорит он собаке, нанизывает на вилку короткую темно-розовую сосиску и подносит к морде.

Собака нюхает и отворачивается.

— Ну съешь хоть немного, — упрашивает он.

Она снова принюхивается, надкусывает сосиску с элегантною осторожностью — так японская придворная дама могла бы надкусить лепесток розы. Да ради бога, ешь уже! Собака осторожно берет сосиску губами, но та выскользывает из пасти и падает на линолеум. Собака смотрит на хозяина снизу вверх и снова что-то недовольно урчит.

Боже, дай мне сил!

Какое хрупкое чувство — стоять на самом краю жизни. Он ощущает, как скрепляющие его тело волокна расклеиваются, растягиваются, исчезают, и он становится рыхлым, дряблым, вот-вот развалится. Он перестанет существовать, но это произойдет

нежно и безболезненно, как первая влюбленность, ведь расставание с жизнью — великое состояние, а смерть — второе рождение.

Гэвин наполняет кастрюлю водой, ставит на плиту — вскоре кольцо под ней нагревается до карамельно-красного цвета. Вода в кастрюле мутноватая от воздушных пузырьков. Наблюдая, как она проясняется, закипая, он кладет руку на грудь, чтобы проверить, бьется ли сердце. Почесывает шею под бородой. Над плитой вьются маленькие черные мухи. Он берет электрическую мухобойку в виде миниатюрной теннисной ракетки, хлопает одну — шлеп! Муха поджаривается на проводах мухобойки, с шипением превращаясь в маленький черный комок.

— Ха-ха, смотри, — с гордостью говорит он собаке, — я все еще опасен.

Он прихлопывает еще одну муху, ударяя мухобойкой о столешницу. Очередной меткий выстрел, снова шипение. Ракетка уже дымится. Чпок, чпок, еще две мухи уничтожены. Футболка прилипла к животу: неужели он вспотел? Может быть, он, Гэвин Уилд, все-таки пока не умирает? Может, он — Великий Годзилла, Король обезьян; одним махом всех уничтожит, всех победит?

— Папа?

Гэвин вздрагивает, оборачивается. В коридоре стоит дочь.

— Да, моя ду-ду?

— Что у нас на ужин?

— Это сюрприз. — Он прячет ракетку за спину.

Гэвин возвышается над дочкой и все же чувствует ее силу: она может кричать гораздо громче

его, способна рыдать всю ночь, не есть целыми днями, устроить истерику из-за ерунды или накрыть себя из-за нового ливня, пришедшего с холмов. Ей шесть лет, она маленькая и, ох, сколько же у нее власти!

— Я не люблю сюрпризов.

— Этот тебе точно понравится.

Она трясет головой, льняные волосы падают на лицо.

— Чего же ты хочешь? — пожимает плечами он.

— Пиццу.

— Пиццу? С каких это пор ты вдруг полюбила пиццу?

— С анчоусами, пожалуйста.

— Ты даже не знаешь, что такое анчоусы. — Гэвин опускается перед ней на колени. Мухобойку, забыв об обугленных мухах, он теперь держит как настоящую теннисную ракетку: опустив на плечо подобно профессиональному игроку. — И что же такое анчоус?

— Это рыба.

— О, и точно! — Он кивает. Неожиданно правильный ответ. Когда это она успела узнать про анчоусы? Про капитана Немо это понятно, но анчоусы? — Рыба? Ты имеешь в виду, большая, как кит?

— Нееет! — кричит дочь, удивляясь его глупости. — Эти рыбки совсем крошечные, как креветки.

— Креветки?

Когда она смеется, ее лицо освещается изнутри. Собака стучит хвостом о пол.

— Оушен, извини, у нас нет анчоусов. И креветок нет и никакой другой рыбы. Но ты должна знать, что анчоусы ужасны на вкус.

— А я очень люблю анчоусы, папа.

— Но ты их ни разу не пробовала!

— Нет, пробовала!

— Ладно, открою тебе тайну, сегодня на ужин твои любимые макароны с сыром и... — он с сомнением смотрит на сосиску, лежащую на линолеуме между собачьих лап, — на десерт мороженое с... горошком! Вот какой сюрприз я тебе приготовил. Я не должен был открывать тайну раньше времени. Это очень секретный рецепт. Теперь иди, не мешай мне готовить.

Ха, он ее перехитрил! Маленькое личико выражает недоумение: она не знает, как реагировать. Возможно, он и сходит с ума, но пока еще в состоянии перехитрить шестилетку, отвлечь от возможной истерики.

— Давай иди уже!

Она поворачивается, и он легонько шлепает ее по попке мухобойкой, полной горелых мух. Дочь бредет обратно в спальню, к своему телевизору.

Вода в кастрюле кипит, он разрывает упаковку и, высыпав в кипяток макароны, ждет, пока они размягчатся, помешивает деревянной шумовкой. Потом откидывает на дуршлаг, сливает воду, перекладывает обратно в кастрюлю. Берет пакетик сухого сырного соуса, вытряхивает содержимое на макароны. Пуф! Серая пудра растекается по горячей поверхности, собирается в плотные комки. Он вливает молоко, добавляет шмасток масла, размешивает, раздвигает, встряхивает содержимое кастрюли, и постепенно, как по волшебству, густые сгустки превращаются в легкую, воздушную массу, которая даже пахнет сыром. Ужин готов!

Они вдвоем садятся за стол. Он боится начать разговор: никогда не знаешь, куда может завести самая невинная застольная беседа. Анчоусы, дождь... *ма-мочка*. Из кастрюли поднимается сырный дух, горячий, усыпляющий. На столе — плошка с тертым сыром, хлеб, масло. Он накладывает немного макарон на тарелку дочери, ее глаза расширяются при виде липкой крахмалистой массы.

— Мм, смотри, как вкусно, — говорит он вполне искренне. Посыпает макароны тертым сыром и подвигает к ней.

Она держит свою вилку наперевес, как трезубец, зачарованно вглядывается в тарелку, глубоко вдыхая сырный запах. Когда-нибудь она так и заснет, упав лицом в свои макароны.

— Мм, как вкусно, — повторяет Гэвин, накладывает себе тройную порцию, бросает сверху пригоршню сыра.

Они ритмично жуют, урча от удовольствия. Оушен с шумом втягивает в рот целую макаронину, затем выдувает ее прямо на стол. Отец не делает ей замечаний; ковыряется в тарелке, то и дело проверяет сердце, жует медленно, стараясь не давать большой воли мыслям.

В особенности ему не хочется думать о работе: завтра понедельник, придется тащиться в офис. Они сидят дома уже двенадцать дней. Двенадцать дней в этих розовых стенах. Завтра наступит тринадцатый. Когда он думает об офисе, в голове становится пусто. Он не может воскресить в памяти лица сотрудников, список самых важных дел, даже миссис Сайрус, бессменную секретаршу, не помнит. Куда исчезла эта часть его жизни? Он — руководитель

крупной компании, но сейчас ему кажется, все это было миллион лет назад. В голове пустота, в желудке ноющая боль.

— Папа, можно мне пойти полежать?

— Да, детка.

— Ты посмотришь со мной телик?

— Конечно.

Он складывает тарелки в забитую грязной посудой раковину, громко рыгает. Собака сидит, прислонившись к кухонной стене. Он наклоняется, чешет ей за ушами, она прижимает голову к его руке.

Чорх, чорх.

— Хорошая девочка.

Она поднимает голову: горбатый римский нос бультерьера с розовым участком, похожим на шелковую балетную туфельку, кончик холодный, мокрый, приятный на ощупь. Так хочется опуститься на пол, обнять свою милую, прижаться к ней. Но он пересиливает себя:

— Пойдем, Сюзи, посмотрим телик.

Собака поднимается, и он гладит ее по спине. Задрав хвост, она топает за ним, запрыгивает на широкую кровать. Втроем они устраивают подобие птичьего гнезда: простыни по кругу сбиты в валики, пахнут грязными ногами и собачьей шерстью. По каналу «Дискавери» показывают крокодилов в местечке Какаду, в Австралии. Глаза Оушен прикованы к экрану. Она лежит поперек его широкой груди, собака пристроилась на ее ногах. Он пытается сфокусироваться на происходящем действии, но голова немедленно тяжелеет. Крокодилы, мутный ручей, смотрящие из-под воды желтые глаза...

Гэвин засыпает мгновенно, не стараясь бороться со сном, он уже привык заканчивать дни именно так: с дочкой, обернутой вокруг него, как полотенце, хотя в глубине души он знает, что все наоборот — это он прижимается к ее телу в поисках защиты.

* * *

В понедельник сотрудники косятся в его сторону, обходят стороной. Как долго они смогут доверять ему? Как долго он сам смог бы доверять себе, если бы оказался на их месте? И что он будет делать, когда его призовут к ответу совет директоров, Стив или владелец компании мистер Грант? Когда они начнут ставить перед ним новые невыполнимые задачи, обсуждать премии и льготы? Он — третье лицо в компании, именно он отвечает за текущее состояние дел. Но третьему номеру всегда можно найти замену.

Они дали ему время прийти в себя. Любопытство, сочувствие, цветы, открытки в почтовом ящике... Он не отвечал. На работе даже легче ни о чем не думать. Закрыв дверь кабинета, он осматривает свои руки. Они покрыты серыми чешуйками отмершей кожи, заляпаны желтыми пятнами антисептика. Новая кожа под струпьями розовая, тоненькая, как папиросная бумага. Конечно, печатать он может, а вот удерживать руль пока сложно. Больно даже зашнуровать ботинки. Ноги в таком же состоянии: старая кожа сходит пластами. Ничего не поделаешь — псориаз. Он уже все перепробовал: и стероидные кремы, и таблетки, и напичканные химией лекарства, от которых у него выпадают волосы и съеживается

член. Он даже сходил к врачу, практикующему альтернативные методы лечения, который подсчитал его «вибрации» на маленьком приборчике. «Ваш энергетический уровень — четыре», — сказал врач и прописал стакан воды по утрам с долькой лимона и чайной ложкой соды, чтобы «раскислить» тело.

В одиннадцать утра он идет к кофе-автомату за четвертой чашкой эспрессо. Вот прекрасный кофе, настоящий! Если бы он смог отказаться от кофе, его единственного маниакального пристрастия, остальные проблемы ушли бы сами собой. Он знает, что это — абсолютная истина, и все же жить не может без горькой, горячей, токсичной жидкости. Если бы справился с этим, справился бы и со всем остальным.

Пётала, как всегда, сидит за стойкой ресепшн, при виде его улыбки ее глаза наполняются любовью. Она, как монашка, не боится показать свою озабоченность. Только она понимает, что с ним происходит.

— Привет, Петала! — приветствует он, и она широко улыбается в ответ.

Ах, эта Петала! Ко всем прочим достоинствам она страшно плодовита — пятеро детей! Такая фертильная, что у нее даже очки запотевают, хотя она целый день сидит. После катастрофы она единственная, как верная собака, примчалась, чтобы спасти его.

— Пончик хотите, мистер Уилд?

— Нет, спасибо.

— А пирожок с картошкой?

— Господи, конечно нет.

— А чего хотите тогда?

— Ничего не хочу. Большое спасибо.